Отечественная философия
2026. Т. 4. № 2. С. 119–127
УДК 1(091)

National Philosophy
2026, Vol. 4, No. 2, pp. 119–127
DOI: 10.21146/2949-3102-2026-4-2-119-127

В.А. Ячменик

«Духовные вожди» и/или «духовный вождизм» в России начала XX в. Ответ М.А. Колерову

Ячменик Вячеслав Александрович – кандидат теологии, научный сотрудник. Лаборатория исследований церковных институций Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Россия, 127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6/1; e-mail: yachmenik94@mail.ru

Текст, представляющий собой ответ на рецензию М.А. Колерова «Церковь и духовные вожди русской интеллигенции», направлен на уточнение предмета исследования и указывает на его смещение в критике: вместо анализа «духовного вождизма» как социального явления рассматриваются понятийные структуры, при которых религиозное лидерство становится мыслимым как таковое. Речь идёт прежде всего о понятии харизмы и связанных с ним фигурах пророка и старца, через которые в начале XX в. осмыслялись возможные формы духовного авторитета и проекты реформирования церковной жизни. При этом акцент переносится с самих носителей лидерства и масштабов их влияния на язык, формирующий возможность их появления в историческом сознании. Критически рассматривается подход, редуцирующий исторический анализ к фиксации фактов и форм влияния (вопросы массовости, тиражей, политического действия), поскольку он игнорирует смысловое измерение событий и тем самым подменяет предмет исследования. Подчёркивается, что одни и те же действия могут обладать различным значением в зависимости от контекста и способов интерпретации, вследствие чего история разворачивается не только в плоскости событий, но и в пространстве понятий. В этой связи проблема формулируется как вопрос о соотношении понятий и социальной реальности. Обращение к различию между «пространством опыта» и «горизонтом ожидания» позволяет рассматривать идею харизматического «духовного вождя» как результат их напряжения – понятийную конструкцию, сформированную в контексте кризиса церковной жизни и ориентированную на возможные, но не гарантированные формы её исторической реализации.

Ключевые слова: духовный вождь, харизма, история понятий, лидерство, русское богословие, русская философия

Для цитирования: *Ячменик В.А.* «Духовные вожди» и/или «духовный вождизм» в России начала XX в. Ответ М.А. Колерову // Отечественная философия. 2026. Т. 4. № 2. С. 119–127.

© Ячменик В.А., 2026

В одном из выпусков «Отечественной философии» был опубликован текст Модеста Алексеевича Колерова, в котором он предложил своё видение изучения феномена «духовного вождизма» в сфере отношений Церкви и интеллигенции[1]. Я не смог не откликнуться на эту реплику, поскольку им была затронута в том числе моя недавняя небольшая книга «“Духовные вожди”: Понятие харизмы и фигуры религиозного лидерства в России начала XX века», которая была истолкована в ложном свете. Мне не кажется уместным отвечать на критическую часть рецензии, скорее указать на неверные основания этой критики и уязвимость тех позиций, которые отстаивает уважаемый рецензент. А главное – мне хотелось бы показать, что помимо социальной истории есть история мысли, её давно и успешно изучают, какой «полноводной» (как выражается рецензент) она бы ни была, а ещё есть полноводная критика, чьи тезисы направляются (возможно, случайно) мимо предмета, тезиса и аргумента исследования куда-то на круг исследуемых авторов и понятий. Ведь дело всё в том, что книга посвящена понятийным границам лидерства «духовных вождей» (поэтому в названии кавычки), а рецензент увидел в ней исследование феномена «духовного вождизма» – о методологических подходах к исследованию того и другого я и хотел бы обратиться ниже.

О том, что такое «позитивизм» в методологии

Не берусь судить, является ли мой текст, как пишет М.А. Колеров, «позитивистским» – для этого нужные какие-то аргументы, на которые я мог бы отреагировать. Однако сама логика рецензента, в которой может заключаться его методологическое кредо, мне видится вполне отвечающей этой характеристике. Он начинает с того, что декларирует ничтожность дискурсивных разделений – раз Ленин венчался в церкви, то нет различия между Церковью и интеллигенцией[2]. Именно это и есть сам по себе предельно позитивистский взгляд, потому что в таком освещении этого факта не затрагивается вопрос о том, что значило для него венчание. Но вместе с тем это хороший пример, через который можно представить себе различные методологические подходы.

Говоря о связи социальной истории и истории понятий, Р. Козеллек как раз разбирает пример, связанный с историей института брака[3]. Браки можно изучать как конкретные события: кто женился, при каких условиях, какие были договорённости, чем всё закончилось (например, конфликтами или войнами). Но при этом на саму возможность брака влияют долгие структуры: экономика (доходы, налоги, урожаи) или демография (рождаемость, смертность). Козеллек говорит и о третьем уровне – о том, как люди понимали брак. Не секрет, что эти представления сильно менялись: раньше брак считался религиозным и нерасторжимым, нужен был для рождения детей; позже стал рассматриваться как договор между людьми, допускающий развод; затем возникла идея брака по любви, где главное – чувства и личная свобода. При этом реальные браки и представления о браке – не одно и то же. Люди могли жениться без любви, даже когда уже существовала идея «брака по любви».

---

1 *Колеров М.А.* Церковь и духовные вожди русской интеллигенции. Рецензия на: Ячменик В. «Духовные вожди»: Понятие харизмы и фигуры религиозного лидерства в России начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 288 с.; *Гайда Ф.А.* Интеллигенция и Церковь в России в XIX–XX века: Очерки по истории идей. М.: Издательство ПСТГУ, 2025. 480 с. // Отечественная философия. 2026. Т. 4. № 1. С. 109–121.

2 Там же. С. 110.

3 Далее пересказывается следующий фрагмент текста: *Козеллек Р.* Социальная история и история понятий / Пер. с нем. Ю.И. Басилова // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб., 2006. С. 46–52.

И наоборот – любовь могла существовать в браках, где о ней вообще не говорили. Можно сказать, что Ленин и Крупская – в 1898 г. явно далёкие от церковного сообщества – действовали согласно устоявшимся структурам, в рамках которых в контексте Российской империи брак контролировался Церковью. В этом случае мы сталкивается с очевидным разрывом между традиционными структурами и личным опытом, который ещё не оформился в институциональном выражении. Венчание для них, по всей видимости, не религиозный акт, а акт легализации отношений. В этом смысле само понятие «венчание» для них наполняется иным смыслом.

Разобрав пример с историей института брака, Козеллек указывает на то, что при научном анализе нам важно сохранять единство уникального события, повторяемых структур и высказываний, которые отображают в языке накопленный человеческий опыт. Если мы это единство разрываем, то игнорируем базовую гуманитарную процедуру – процесс понимания. Только в таком развороте мы сталкиваемся с исследовательским «позитивизмом».

Опираясь на принципы Realpolitik и на голые факты, М.А. Колеров пытается доказать ничтожность исследования маргинального сюжета (но каковы критерии маргинальности/центральности?) в истории дискурса о власти: ничтожность в том, что о харизме пишут те, кто никакого отношения к власти не имеет. Какой же тогда смысл для истории власти в исследовании этой харизмы? Но тогда мы должны вопросить, как говорил один мой коллега, о властной роли Т. Гоббса или Дж. Локка. Или пренебречь и самим М. Вебером, поскольку он был очень ограниченным харизматическим лидером. Как быть с Г. Гроцием, который вообще был заключённым, поражённым в правах, когда писал свои труды о естественном праве? Методология М.А. Колерова, в которой он пишет свою рецензию, даже не позволяет поставить такие вопросы, уже не говоря о том, что на них могут существовать какие-либо ответы.

В самом деле, искать ответа на вопрос, хотел ли С.Н. Булгаков, чтобы его считали «пророком» – довольно бессмысленные предприятие. Такая задача не ставится в моей книге, иначе мне нужно было бы переквалифицироваться в психоаналитика и разложить на кушетке все тексты русских религиозных мыслителей[4]. (Кстати, замечу, что книга не посвящена феномену русской интеллигенции: то, что в ней критикует М.А. Колеров – одна из её частей, которая на уровне фактичности трактуется в том же духе, что и в положительно оценённом Колеровым исследовании Ф.А. Гайды как «проект “церковной интеллигенции”, которая призвана была реформировать Церковь изнутри»[5].) Хотя давно в историографии стало принято говорить об интеллигенции как о «пророках», в книге изучается скорее то, что именно в их языке возникает «пророк» как дискурсивное понятие, которое используют, чтобы обозначить пресловутое противопоставление церковной иерархии (а не Церкви!) и интеллигенции. Но там же показано, что эта логика близка была не только той самой интеллигенции, но и духовно-академической корпорации. Они тоже хотели возродить «пророчество» – служение, которое должны воспринять истинные пастыри. Поэтому критические выпады М.А. Колерова о том, «можно ли считать себя перед зеркалом вождём, не выводя своих поклонников из учебной аудитории?» (про профессоров духовной академии); правда ли, что «Булгаков в своей социалистической молодости явно чувствовал в себе наклонности вождя, но уже в 1906 и 1907 гг. оставил их и уж точно более не вносил это в задание ни себе лично, ни Церкви»?; можно ли

---

[4] Хотя и такой подход отрицать не следует, поскольку есть вполне продуктивные примеры его применения (однако я не ставил задачи ему следовать): *Томэ Д., Шмид У., Кауфманн В.* Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография / Пер. с нем. М. Маяцкого. 2-е изд. М., 2026.

[5] *Гайда Ф.А.* Интеллигенция и Церковь в России в XIX–XX века: Очерки по истории идей. М., 2025. С. 459–460.

считать духовным вождём о. П. Флоренского, который издал свой «Столп и утверждение Истины» лишь в двух тысячах экземпляров, и «возможно ли при таком тираже его духовное лидерство, особенно в сравнении с другими <…> авторами “Пути” – Гершензоном, Лопатиным, Лосским и Эрном, знатными гораздо большими тиражами?», а особенно можно ли говорить о «духовном вождизме» этих персоналий в сравнении «с водительством священника Г.А. Гапона, выведшего 9 января 1905 г. в центр Санкт-Петербурга 100 000 человек под портретами царя, православными иконами и хоругвями, с духовными песнопениями, которым подпевали обычные полицейские, сопровождавшие и охранявшие шествие»[6]? – все эти вопросы просто повисают в воздухе, потому что если на них и следует искать ответы, то уж точно не в моей книге.

Методологическая позиция М.А. Колерова предполагает разговор о власти, но одновременно отказывает в значимости тем формам знания, через которые власть становится осмысляемой. А без этого у нас остаётся только набор фактов и произвольных обобщений.

Как изучать «духовный вождизм»?

Ценность рецензии М.А. Колерова состоит в том, что он ставит важную проблему – как вообще возможно изучать феномен «духовного вождизма». Задача эта довольно сложная, ведь и сам Колеров указывает, что конкретные личности в истории (самый характерный пример – С.Н. Булгаков) претерпевают радикальную трансформацию взглядов: «опыт Булгакова в Государственной думе и азбучно известный трагический переворот в личной жизни Булгакова в 1909 г. – смерть сына» показывают, что он разочаровывается в проекте лидерства и «…глубоко, без клоунады с харизмой, свои подлинные интеллектуальные претензии <…> явил вовсе не на собственное лидерство, а на объяснение человеческого мессианизма и вождизма в случае Иуды»[7]. Спорить с этими фактами бессмысленно, однако они оставляют много вопросов – что именно Булгаков понимал под «вождизмом» Иуды, отличал ли он его от власти патриарха Тихона (Беллавина), о котором Булгаков почти в эти же годы писал: «В патриархе Русская церковь потеряла живой символ церковного единства, а русский народ – образ национального единства. Если в прежнее время Россия была империей, теперь она стала патриархией: царя всероссийского сменил патриарх всероссийский. Только в этом титуле продолжает сохраняться до лучших дней святое имя нашей страны. Ныне Моисей отозван, не увидев обетованной земли, и его народ оставлен без вождя в пустыне»[8]. Поэтому, скорее, можно говорить о том, что Иуда как антивождь лишь оттеняет образ, который должен являть подлинный духовный вождь; именно на это и указывает историко-понятийный подход.

---

6 *Колеров М.А.* Церковь и духовные вожди русской интеллигенции. Рецензия на: Ячменик В. «Духовные вожди»: Понятие харизмы и фигуры религиозного лидерства в России начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 288 с.; *Гайда Ф.А.* Интеллигенция и Церковь в России в XIX–XX века: Очерки по истории идей. М.: Издательство ПСТГУ, 2025. 480 с. // Отечественная философия. 2026. Т. 4. № 1. С. 112.

7 Там же. С. 114.

8 *Булгаков С.Н.* Страж дома Господня: памяти Святейшего патриарха Тихона // Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. М., 1994. С. 391. См. также и про другую работу этого периода, в которой Булгаков обращается к тем же образам: *Ионов А.С.* Работа «Пражского» периода творчества прот. С.Н. Булгакова «Старое и новое» (к находке автографа) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 1 (50). С. 85–128.

В моей книге исследуется понятие «харизма», которое оказалось необходимым для выстраивания идеального образа церковного сообщества, в соответствии с которым разные мыслители (не только Булгаков) хотели бы привести их «историческую» Церковь. «Церковная интеллигенция» (именно как концепт, а не как феномен[9]) возникает в этой картине наряду со старцами, духовниками, диакониссами и другими фигурами, к которым в текстах эпохи применяется понятие харизмы[10]. Поэтому идеи Булгакова в начале XX в., наряду с другими интеллектуалами, влияли на религиозное проектирование, в котором ощутимой стала значимость возврата или появления в этом поле такой фигуры, как пророк. Не меньшее значение в этом дискурсе имела фигура старца, которая «била» в ту же точку – осмыслить церковное сообщество таким образом, чтобы власть в нём воспринималась не формально, через должность священника, а личностно и мистически через те дары Духа, которые позволяют старцу осуществлять ту деятельность, которую формально он осуществлять не мог бы[11].

То, что богословы и философы вернули в дискурс о реформировании церковной жизни идею таких «духовных вождей», очевидно, затрагивало и феномен «духовного вождизма». Но затрагивало в той мере, в какой их идеи вышли за рамки исторических, богословских и религиозно-философских штудий и перелились в общем желании реформирования церковной жизни.

Для доказательства этого тезиса можно было пойти разными путями, мне жизнеспособным кажется тот, который позволяет говорить о разного рода дискурсивных фигурах (а не самих личностях, о них говорящих). Именно эти фигуры формируют кризисное поле, отображающее переосмысление феномена религиозного лидерства.

В таком же духе о кризисе культурном на рубеже XIX и XX в. писал Ж. Ле Ридер, говоря о фигурах гения, мистика и нарцисса – для него именно они «олицетворяли собой три способа реконструкции идентичности на руинах субъекта»[12]. Задолго до него о трёх фигурах «Ненормальных» говорил М. Фуко, видя в них основание для становления процесса нормации в обществе модерна[13]. В этих подходах важно не то, кто именно был фигурой мистика, монстра или пророка в исторической реальности и была ли эта фигура «на самом деле» (переформулирую Л. фон Ранке), а то, что сами высказывания о них делали возможным идею лидерства. Но тут мы сталкивается с ключевой проблемой истории понятий – связи концепций и социальной реальности. В случае с «духовными вождями» возникает закономерное противоречие: без социальной реализации нет лидерства, но и без понятий нет самой возможности мыслить лидерство. Без идей не бывает форм власти, но без социальной реализации такие идеи остаются лишь проектами. И в этом контексте важно обратиться к концепции Р. Козеллека, который пытался разрешить эту проблему.

---

9 Пришлось бы нам, как и в случае с венчанием Ленина, искать их справки об исповеди и причастии, чтобы доказать их церковность феноменологически?

10 Не могу не отметить на полях дискуссии, что если переносить взгляд рецензента не на одну главу книги, а на всё её содержание, то возникает любопытная картина: Булгаков и Флоренский якобы хотели быть «пророками», потому что писали о нём; но что мы будет делать с П.А. Прокошевым, который писал о женских харизматических служениях?

11 См. об этом же другое историко-понятийное исследование: *Ванифатьев Н.А.* Понятие старчества: генезис и проблематика в российском контексте в XIX – начале XX вв.: дис. … канд. теологии: 5.11.1. М.: ПСТГУ, 2026.

12 *Ле Ридер Ж.* Венский модерн и кризис идентичности / Пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб., 2009. С. 84.

13 *Фуко М.* Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб., 2004.

Он говорит об историческом «пространстве опыта», тесно переплетающемся с «горизонтом ожидания»[14]. Их связь позволяет, как пишет В.С. Дубина, представить историю понятий как сферу «изучения человеческого опыта и ожиданий» и «ответить на вопрос о том, как понимали окружающий мир исторические акторы, как они его для себя интерпретировали»[15]. Как мне видится, напряжение между опытом и ожиданием и порождает те самые фигуры религиозного лидерства – харизматичных «духовных вождей» – ищущих место в проекте будущего церкви (даже если дискурс становится шире личной судьбы какого-либо из участников дискуссий). Однако ожидание – это не прогноз. Поэтому, как известно, не все проекты дореволюционной России был реализованы в жизнь в советские годы, однако в случае «духовных вождей» мы можем говорить о заметном влиянии этой идеи на представления о церковном авторитете в первые послереволюционные десятилетия.

Красноречиво о связи «пространства опыта» и «горизонта ожидания» говорит неопубликованное письмо того самого профессора Московской духовной академии Сергея Ивановича Смирнова, который сам, конечно, никогда не претендовал на «духовный вождизм», однако в своих исследованиях пытался сформулировать образ старца-харизматика – одну из фигур религиозного лидерства в России начала XX в. В этом письме, которое направлено неизвестному лицу, мы сталкивается с тем самым примером, о котором пишет М.А. Колеров. Речь в нём идет о священниках, участвующих в трагедии Кровавого воскресения[16]. У Смирнова они предстают как «народные герои», противопоставленные «мёртвой иерархии» «официальной церкви» (см. приложение). Эти оппозиции ярко представляют личный опыт исследователя и те ожидания от церковных иерархов (независимость от государства, подвиг и своего рода древнерусское «печалование»), которые в том числе сформировали его исследовательский пафос как одного из теоретиков «духовного вождизма».

Приложение

Ваше Преосвященство!

9-го января убит между прочими священник Александр Васильев, шедший с иконою Спасителя впереди рабочих. Ведь это Александр Петрович Васильев, Татевский уроженец, воспитанник Рачинского, мой приятель, Ваш ученик и почитатель? Да?

Ваше Преосвященство! Будьте добры: напишите мне подробности, какие знаете сами. У нас ходят слухи, будто он по просьбе рабочих служил молебен, затем пошёл с ними, будто солдатам он говорил, чтобы они не стреляли в мирных граждан. Как его погребли? Неужели казённым порядком? Неужели высшее общество, которое его знало и ценило, отвернулось от него, как от демагога? Ужели пойдёт по миру его семья – жена с шестью детьми?

---

[14] См.: *Козеллек Р.* «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.

[15] *Дубина В.С.* Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения. «История понятий» в России // История понятий, история дискурса, история метафор / Пер. с нем. под ред. Х.Э. Бёдекера, В. Дубиной. М., 2010. С. 318–319.

[16] Фактически Смирнов в письме путает детали: духовник царской семьи и монархист прот. А. Васильев (1868–1918) не был убит в 1905 г., поэтому, видимо, письмо так и осталось в архиве Смирнова неотправленным. По всей видимости, Смирнов перепутал своего знакомого с рабочим Васильевым, слухи о гибели которого активно распространялись в то время (об этом см.: *Кременецкий К.В.* История «Письма рабочего Васильева» 8 (21) января 1905 г. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 2 (10). С. 29–35).

Эти два священника – народные герои. Вместе с чувством жалости, которое вызывается трагедией 9 января, поднимается чувство благоговения перед именами, которых не забудет Россия, «пока живёт Россия дорогая»… В Петербурге Вы вероятно не знаете, что подробное описание бойни в тысячах листков читается теперь по всей Руси «от океана до океана», как говорите Вы. И знаете какое впечатление производят эти листочки?

В лице Васильева и Гапона церковь стала на сторону правды… церковь народа, а не церковь правительства. Войска стреляли в Крест Христов и в икону Спасителя… Наша мёртвая иерархия (простите за откровенность) чуть не изрекла проклятие на противящихся власти, которые с пением народного гимна шли к царю…

Грустные мысли мне приходят в эти странные дни. Ещё много прольётся крови на улицах русских столиц. Ещё много тысяч жизней погибнет напрасно. Что же церковь? Официальная церковь? Будет молчать! Или изречёт по приказу проклятие на противящихся власти?

Ваше Преосвященство. Вот я умирал и знаю, что последним покидает человеческое сознание самый тяжёлый грех человека («грех мой предо мною есть выну»). Так вот я думаю, что если будет это так – равнодушное молчание или анафема народу, то иерархи наши возьмут на себя страшный грех: «кровь их от руки вашей взыщу». Умирая, каждый будет им терзаться, как вероятно будет терзаться пред смертью Иаков, бывший Кишинёвский.

Простите меня, Ваше Преосвященство, за это дерзкое письмо. Я так растрепался в последние дни, узнав о смерти Ап-ча, который был так дорог мне, а теперь стал ещё дороже.

С искренним почтением, любящий Вас Смирнов.

15 янв. 1905 г.[17]

Список литературы

Булгаков С.Н. Страж дома Господня: памяти Святейшего патриарха Тихона // Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. М.: Издательство ПСТБИ, 1994. С. 387–392.

Ванифатьев Н.А. Понятие старчества: генезис и проблематика в российском контексте в XIX – начале XX вв.: дис. … канд. теологии: 5.11.1. М.: ПСТГУ, 2026. 211 с.

Гайда Ф.А. Интеллигенция и Церковь в России в XIX–XX века: Очерки по истории идей. М.: Издательство ПСТГУ, 2025. 480 с.

Дубина В.С. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения. «История понятий» в России // История понятий, история дискурса, история метафор / Пер. с нем. под ред. Х.Э. Бёдекера, В. Дубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 298–319.

Ионов А.С. Работа «Пражского» периода творчества прот. С.Н. Булгакова «Старое и новое» (к находке автографа) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 1 (50). С. 85–128.

Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.

Козеллек Р. Социальная история и история понятий / Пер. с нем. Ю.И. Басилова // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. С. 33–53.

Колеров М.А. Церковь и духовные вожди русской интеллигенции. Рецензия на: Ячменик В. «Духовные вожди»: Понятие харизмы и фигуры религиозного лидерства в России начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 288 с.; Гайда Ф.А. Интеллигенция и Церковь в России в XIX–XX века: Очерки по истории идей. М.: Издательство ПСТГУ, 2025. 480 с. // Отечественная философия. 2026. Т. 4. № 1. С. 109–121.

[17] ОР РГБ. Ф. 280. К. 15. Ед. хр. 47. Л. 1–2 об.

Кременецкий К.В. История «Письма рабочего Васильева» 8 (21) января 1905 г. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 2 (10). С. 29–35.

Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности / Пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2009. 714 с.

Смирнов С.И. Письмо к неустановленному лицу (епископу) по поводу событий 9 января 1905 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 280. К. 15. Ед. хр. 47. Л. 1–2 об.

Томэ Д., Шмид У., Кауфманн В. Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография / Пер. с нем. М. Маяцкого. 2-е изд. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2026. 336 с.

Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2004. 432 с.

“Spiritual Leaders” or “Spiritual Leaderism” in Early 20th-Century Russia. A Response to M.A. Kolerov

Vyacheslav A. Yachmenik – Candidate of Sciences in Theology, Research Fellow. Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, St. Tikhon’s Orthodox University. 6/1, Likhov pereulok, Moscow, 127051, Russia; e-mail: yachmenik94@mail.ru

The present text, written as a response to M.A. Kolerov’s review “The Church and the Spiritual Leaders of the Russian Intelligentsia,” aims to clarify the subject of the study and points to a shift in its critical reception: instead of analysing “spiritual leaderism” (dukhovnyi vozhdizm) as a social phenomenon, it examines the conceptual structures that make religious leadership thinkable as such. The focus is placed primarily on the concept of charisma and the related figures of the prophet and the elder (starets), through which possible forms of spiritual authority and projects for the reform of ecclesiastical life were conceptualised in the early twentieth century. In this perspective, emphasis is shifted from the bearers of leadership and the scale of their influence to the language that conditions the very possibility of their emergence in historical consciousness. The paper critically examines an approach that reduces historical analysis to the recording of facts and forms of influence (questions of mass scale, circulation, and political action), insofar as it neglects the semantic dimension of events and thereby substitutes the object of inquiry. It is emphasised that identical actions may acquire different meanings depending on context and modes of interpretation; consequently, history unfolds not only in the realm of events but also in the space of concepts. In this regard, the problem is formulated as one concerning the relationship between concepts and social reality. An appeal to the distinction between the “space of experience” (der Erfahrungsraum) and the “horizon of expectation” (der Erwartungshorizont) makes it possible to interpret the idea of the charismatic “spiritual leader” as a product of their tension – a conceptual construction shaped within the context of a crisis in ecclesiastical life and oriented toward possible, though not guaranteed, forms of its historical realisation.

Keywords: spiritual leader, charisma, history of concepts, leadership, Russian theology, Russian philosophy

For citation: Yachmenik, V.A. “Duhovnye vozhdi” i/ili “duhovnyj vozhdizm” v Rossii nachala XX v. Otvet M.A. Kolerovu [“Spiritual Leaders” or “Spiritual Leaderism” in Early 20th-Century Russia. A Response to M.A. Kolerov], *Otechestvennaya filosofia* [National Philosophy], 2026, Vol. 4, No. 2, pp. 119–127. (In Russian)

References

Bulgakov, S.N. Strazh doma Gospodnya: pamyati Svyateyshego patriarkha Tikhona [Guardian of the House of the Lord: In Memory of His Holiness Patriarch Tikhon], in: *Akty Svyateyshego patriarkha Tikhona i pozdneyshie dokumenty o preemstve vysshey tserkovnoy vlasti. 1917–1943 gg.* [Acts of His Holiness Patriarch Tikhon and Later Documents on the Succession of the Supreme Church Authority. 1917–1943]. Moscow: PSTBI Publ., 1994, pp. 387–392. (In Russian)

Dubina, V.S. Iz Bilefelda v Kembridzh i obratno: puti utverzhdeniya. "Istoriya ponyatiy" v Rossii [From Bielefeld to Cambridge and Back: Paths of Establishing "Conceptual History" in Russia], in: *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor* [Conceptual History, History of Discourse, History of Metaphors]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 298–319. (In Russian)

Foucault, M. *Nenormalnye: kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1974–1975 uchebnom godu* [Abnormal: Lectures at the Collège de France, 1974–1975]. St. Petersburg: Nauka, 2004. 432 p. (In Russian)

Gayda, F.A. *Intelligentsiya i Tserkov v Rossii v XIX–XX veka: Ocherki po istorii idey* [Intelligentsia and the Church in Russia in the 19th–20th Centuries: Essays on the History of Ideas]. Moscow: PSTGU Publ., 2025. 480 p. (In Russian)

Ionov, A.S. Rabota "Prazhskogo" perioda tvorchestva prot. S.N. Bulgakova "Staroe i novoe" (k nakhodke avtografa) [The Work "Old and New" from the "Prague" Period of Archpriest S.N. Bulgakov's Oeuvre (On the Discovery of the Autograph)], *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History], 2013, Issue 1 (50), pp. 85–128. (In Russian)

Kolerov, M.A. Tserkov i dukhovnye vozhdi russkoy intelligentsii. Retsenziya na: Yachmenik V. "Dukhovnye vozhdi": Ponyatie kharizmy i figury religioznogo liderstva v Rossii nachala XX veka; Gayda F.A. Intelligentsiya i Tserkov v Rossii v XIX–XX veka: Ocherki po istorii idey [The Church and Spiritual Leaders of the Russian Intelligentsia. Review of: Yachmenik V. "Spiritual Leaders": The Concept of Charisma and Figures of Religious Leadership in Early 20th Century Russia; Gayda F.A. Intelligentsia and the Church in Russia in the 19th–20th Centuries]. *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2026, Vol. 4, No. 1, pp. 109–121. (In Russian)

Koselleck, R. "Prostranstvo opyta" i "gorizont ozhidaniy" – dve istoricheskie kategorii ["Space of Experience" and "Horizon of Expectation" as Two Historical Categories], *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2016, Vol. 28, No. 2, pp. 149–173. (In Russian)

Koselleck, R. Sotsialnaya istoriya i istoriya ponyatiy [Social History and Conceptual History], in: *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia, 16th–20th Centuries]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ., 2006, Issue 5, pp. 33–53. (In Russian)

Kremenetskiy, K.V. Istoriya "Pisma rabochego Vasileva" 8 (21) yanvarya 1905 g. [The History of the "Letter of Worker Vasilev" of January 8 (21), 1905], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences], 2016, No. 2 (10), pp. 29–35. (In Russian)

Le Rider J. *Venskiy modern i krizis identichnosti* [Viennese Modernism and the Crisis of Identity]. St. Petersburg: Novikov Publ., 2009. 714 p. (In Russian)

Smirnov, S.I. Pismo k neustanovlennomu litsu (episkopu) po povodu sobytiy 9 yanvarya 1905 g. [Letter to an Unidentified Person (Bishop) Concerning the Events of January 9, 1905]. *Otdel rukopisey RGB* [Manuscripts Department of the Russian State Library], f. 280, k. 15, ed. khr. 47, ll. 1–2 ob. (In Russian)

Thome, D., Schmid, U., Kaufmann, V. *Vtorzhenie zhizni. Teoriya kak taynaya avtobiografiya* [The Invasion of Life: Theory as a Secret Autobiography]. 2nd ed. Moscow: HSE Publ. House, 2026. 336 p. (In Russian)

Vanifatyev, N.A. *Ponyatie starchestva: genezis i problematika v rossiyskom kontekste v XIX – nachale XX vv.* [The Concept of Eldership: Genesis and Problematics in the Russian Context in the 19th – Early 20th Centuries]. PhD diss. Moscow: PSTGU, 2026. 211 p. (In Russian)